

Строящаяся заново или обновляющаяся профессия нуждается не в «сближении с практикой», а, напротив, в резком отрыве от нее. «Архитектурный профессионализм» не однородное и инертное тело, Расслоение произошло давно, Перед нами не единая профессия, а сложное гетерогенное поле, требующее в работе с ним многослойных стратегий.

Ключевые слова: архитектурное образование; профессионализм; типы профессионалов; субпрофессионалы; профессионалы; квазипрофессионалы; антипрофессионалы; транспрофессионалы; метапрофессионалы. /

Being rebuilt or renovated, architectural profession does not need to 'move closer to practice'. On the contrary, it should break away from it. 'Architectural professionalism' is not a homogeneous or inert body. It split up long ago. It is not a single profession, but a complex heterogeneous field that demands multilayer strategies. Keywords: architectural education; professionalism; types of professionals: 'subprofessionals'; 'professionals'; 'quasiprofessionals'; 'antiprofessionals'; 'transprofessionals'.

О типах профессионализма в архитектурном образовании / The Types of Professionalism in Architectural Education

ТЕКСТ
Петр Капустин
text
Petr Kapustin

Существует красивая идея: образование есть практика объективного идеализма. То есть идеи – чистые и новые – не напрямую воплощаются в вещах и прочих обманчивых и ненадежных «тенях», как говорил Платон, а реализуются на людях – на новых поколениях носителей, а уже те осуществляют (придают существование) и материализуют идеи. Так строилась педагогика Нового времени, осознающая себя как революционная, преобразовательная и истинная, а потому и начинающая с чистого листа. Об этом пресловутом «чистом листе» или «чистой доске» (*tabula rasa*) сказано немало, напомним лишь один крайне любопытный факт: преподавателям французской королевской Академии архитектуры (XVII век) было высочайше запрещено заниматься практическим строительством, в обязанности же им вменялось открытие «вечных законов» архитектуры, теоретизирование и обучение «новых адептов профессии» [1]. Так создавалась новая профессия, резко противопоставляющая себя традиционной ремесленной деятельности: требовалась идейная стерильность и концептуальная независимость от прежнего опыта. И если прежний опыт во всеуслышание признается негодным, то не есть ли это вообще единственно верный путь? Спроектировать и построить вдали от порочной практики новую, альтернативную, идущую ей на смену. И чем в таком начинании могут быть полезны кондовые «профи»? Ведь единственное, на что они способны в вузе, – на воспроизводство самих себя в умах и навыках молодого поколения. Строящаяся заново или обновляющаяся профессия нуждается не в «сближении с практикой», а, напротив, в резком отрыве от нее – за счет этого и возможен скачок вперед (или по крайней мере «вбок» – на новые рельсы). Последним, но наиболее ярким образчиком такого идейного сектанства является Баухауз, в котором дух противостояния существующей модели деятельности (объявленной лживой) был велик, а нравы близки к монастырским (вплоть до введения всеобщего и обязательного вегетарианства). Гропиус именно так и манифестировал задачи своей школы: готовить не специалистов на существующие рабочие места («подготовка кадров»), а диверсантов-подрывников, которые от существующего не оставят камня на камне, но создадут новую практику – истинную, современную и вечную.

Но красивые романтические идеи успели многожды показать свою ущербность и нереалистичность. «Чистая доска» – абстракция недопустимо упрощенная, далекая от жизни – будь то персональное сознание современного студента или модель образовательной системы. И, вместе со всяким иным, на сегодняшней нечистой, плотно записанной «доске» архитектурных школ, наличествует несколько различных и даже противоборствующих типов личностной, «образоженной» и профессиональной ориентации. Они различаются не только самоопределением, но и воспроизводственными механизмами, то есть способом сохраняться в новых поколениях и, соответственно, вызывать различие в профессиональной ориентации студенческой аудитории: поэтому речь идет не о различных кредо, а именно об устойчивых типах. Часть из них генетически и исторически связана с возникновением и становлением профессии: высокие напряжения Нового времени, его «бури и натиска», сказываются «искровыми разрядами» в характерах некоторых людей и до сих пор.

Другая часть – продукты эволюции самой профессии – ее взлетов и падений, величия и кризиса. Третья – разнообразная по своей природе маргиналии: от классицизирующих рудиментов «вечных истин архитектуры» до освоения иных миров жизни и деятельности, от внедрения чуждого опыта и знания до распространения архитектуроцентрического самосознания на все и вся. Вероятно, еще сохраняется и сугубо ремесленный, допрофессиональный опыт (в особых, весьма специфических формах, не подавляемых доминирующей организацией деятельности и нормой образования, что требует отдельного изучения), и его носители изредка попадают в штат вузов, но если ограничится только типами профессионализма и «вокруг» него, то можно предложить следующие шесть основных позиций. Перечислим их, дав развернутую экспликацию ниже:

1. Субпрофессионалы.
2. Профессионалы.
3. Квазипрофессионалы.
4. Антипрофессионалы.
5. Транспрофессионалы.
6. Метапрофессионалы.

Подчеркнем, что речь идет только о типах архитектурного профессионализма и в стороне оставлены непростые вопросы о, например, специальном педагогическом профессионализме архитекторов-преподавателей или о дифференциации самого архитектурного профессионализма на специальности и специализации, в том числе новые и довольно экзотичные для России. Также в стороне мы оставим явления некомпетентности и непрофессиональности: о них можно много не говорить, их надо просто ликвидировать. Нас будут интересовать лишь довольно крупные и ясно выраженные позиции и мотивации в позитивном поле профессии и особенно профессионального образования, а также их взаимодействие – конкуренция, сотрудничество, конфронтация.

Субпрофессионалы (лат. *sub* – под, подчиненно) в целом представляют собой тип, который можно считать отошедшим в историю, поскольку его назначение – подготовка профессионализации деятельности, создание условий для возникновения основных профессиональных институтов: объективного знания, массового образования, крупных и нормированных оргструктур. Именно субпрофессионалы – адресаты упомянутого выше королевского указа по Академии. Центральным антропологическим образом этого типа, его символом может служить так называемый гражданский инженер – госслужащий, представитель гражданской государственной мегамашины деятельности, организованной, однако, на сугубо военный лад. Строгая униформа и уставной кортик на боку – его неперемные атрибуты. Впрочем, приписка архитекторов к военным частям также была вполне обычным делом в XVIII–XIX веках, да и в XX веке. Это «подкорка» и «подоснова» профессии, ее романтическая масонская молодость, когда «свободные занятия» перестают быть частными практиками *par excellence*, унифицируются и переводятся в разряд служб, а «свободные искусства» – в разряд прикладных наук. Однако это – не более чем яркая иллюстрация, ведь профессионализация архитектуры происходила столетиями и, по мнению многих исследователей, не завершилась вполне и к нашему времени. Поэтому «внешне» (морфологически) «субпрофессионалы» разнолики, и не все они носили униформу, хотя именно о ней и об обслуживаемых ею «дисциплинарных пространствах» (М. Фуко) традиционно не принято вспоминать, по неведомым причинам смещая акцент на «искусства». Однако профессия выросла вовсе не из искусства, а из долгих, методичных и упорных усилий армии субпрофессионалов, воинов научно-технического прогресса и порождаемых им профессий.

Поскольку упомянутые выше институты все же были созданы, этот тип и можно считать не самым актуальным сегодня. Но поскольку становление профессии все еще продолжается и проблем у нее больше, чем удовлетворительных ответов, то тип не исчезает вовсе. Сегодня он существует и воспроизводится в форме традиционного самоопределения: некто находит себя принадлежащим традиции, видит себя современным продолжателем славных дел отцов-основателей и действует соответственно. Поэтому общее, что объединяет субпрофессионалов всех эпох, включая и нашу, это апологетика профессионального строительства, акцентированная забота о профессиональной норме и почтение перед любой иерархией – как социальной, так и композиционной. Во всем этом, заметим, нетрудно видеть отголоски цеховых норм и требований, ведь ремесленные цеха и гильдии заложили начальный, но мощный фундамент традиции нормирования деятельности, подхваченной потом профессией и ставшей основой профессиональной культуры. Понятно, что способ решения проблем архитектурной деятельности и образования у субпрофессионала один – усиление профессионализма, укрепление дисциплины и совершен-

ствование профессиональной культуры. Такие призывы и требования можно было очень и очень часто слышать во второй половине XX века, нередко они и сегодня.

Профессионалы (или истинные профессионалы), по нашему убеждению и наблюдению, представляют собой, увы, весьма малочисленную группу среди тех, о которых у нас тут речь. Интересно, что собственно профессионал (эпитет «высокий» излишен – иных не бывает, иные относятся к следующей группе) отнюдь не носит с идеей профессионализма как с писаной торбой. Скорее напротив: он знает пределы профессии и ограниченность профессионализма (здесь излишним уже является эпитет «узкий» – плох тот профессионал, для кого рамки профессии не узки!). Ведь развитая профессиональная культура организована значительно сложнее, чем представляется ее озабоченным апологетам. Помимо прочего – это не только система норм и правил, которым надо следовать, но и совокупность культуросообразных способов нарушать правила и дискредитировать представления о норме.

По поводу оксюморона «творческая профессия» также сказано уже много, да воз и ныне там. Но основной вывод в нашей теме таков: сколь бы ни были противоречивы характеристики профессии как исторически преходящей формы организации архитектурной деятельности, высокий профессионализм – качество личностное, персональное. Это – вершина достижений в профессии. Кто ее достигает, тот занимает почетное, но странное место героя и искупительной жертвы одновременно: профессия лишь благодаря появлению таких ярких личностей сохраняет право на звание творческой. Их всегда считанные единицы и их знает вся страна, «город и мир». Лишь благодаря наличию таких единиц остальная масса может жить эпигонством и жить хорошо. Профессионал существует и действует не «внутри» контура профессии, а на стыке разных и многих стратегий, профессий, деятельностей, культур и традиций. Его творчество – не эклектика, но синтез или симбиоз новых органичных социальностей. Его мышление достигает высот философской и поэтической рефлексии и находит (создает) себе соответствующие формы выражения. Если спросить профессионала о путях развития архитектуры и способах решения ее проблем, он скажет скорее о чуде, чем о правиле, будет апеллировать к вашей чувственности и воображению, но не к долгу и дисциплине. В системе архитектурного образования представители этого типа – центры уникализации образовательного процесса, центры выращивания школ, а также, как правило, образец исполнения профессионального и культурного долга и личной дисциплинированности.

Квазипрофессионалы (лат. *quasi* – как будто, как если бы), напротив, – самое многочисленное племя. Они пребывают около (одно из значений латинского «квази») «истинных профессионалов» в организационном и идейном смысле, даже если не хотят этого признавать. Это нормально для массовой деятельности – она, видимо, просто не может быть организована иначе (по крайней мере, идеи и попытки иной организации пока остаются в области методологической эзотерики). Мотивация прихода на преподавательскую работу в высшее образовательное учреждение (исключительно совместителями), как правило, лежит в области социально-коммунальных стереотипов: престижно иметь «своих учеников» (хотя реальный образовательный процесс во многом обезличен), удобно набирать молодые кадры на производство, модно иметь ученые звания, а не просто «делать деньги» на основном рабочем месте.

Основное достоинство этой категории на преподавательской работе – достаточный опыт и интеграция в текущие дела, что, будучи помножено на массовость,

снимает большую часть головной боли организаторов учебного процесса, как правило, испытывающих дефицит кадров. Но это же оборачивается и крупным недостатком, поскольку ведущая интенция квазипрофессионалов в качестве преподавателей – трансляция своего опыта, но никак не его пересмотр, рефлексия и развитие. Они приходят с установкой на действие в режиме мастер-класса (даже тогда, когда не имеют для этого достаточных оснований) и склонны догматизировать как собственный опыт, так и сложившуюся конъюнктуру проектно-строительного рынка, в которой это опыт получен. В отличие от профессионалов (см. выше), они «рабы одного мира», их опыт частен и ситуативен, а склонности к теоретическому обобщению и абстрагированию они, как правило, не обнаруживают. Они позиционируют себя как если бы они были мэтрами, что не добавляет здоровых нот в моральный климат учебных аудиторий и кафедр. Их основная характеристика – беспроблемность восприятия и изложения профессионального содержания. Но где нет проблем, там нет и развития.

Антипрофессионалы (греч. *anti* – против), в отличие от предыдущей категории, напротив, ориентированы на выявление и острую постановку проблем. Они – агенты развития, по крайней мере его первый, атакующий эшелон. Они «анти» не из оппозиции профессионалам и не от неспособности ими стать; скорее напротив, часто они выходцы из рядов полноценных и состоявшихся профессионалов. Это профессионалы, окончательно вышедшие за узкие рамки профессиональных ограничений, поэтому оппозиционны они не профессионализму, а... профессии, как конкретно-исторической совокупности норм, знаний, представлений, фундаментальных допущений и негласных договоренностей. Это – наиболее динамичный и революционный слой в совокупной системе деятельности, объективно необходимый, ведь устоявшиеся конструкции «творческой профессии» надо время от времени встряхивать и пересматривать. Развитие противостоит функционированию, воспринимается представителями последнего крайне болезненно – отсюда и префикс «анти».

Антипрофессионалы (а это не всегда самоназвание, часто их так называют квазипрофессионалы, полагая, что это эпитет ругательный) первыми чувствуют неблагополучие, вскрывают недостатки и открывают ресурсы развития деятельности. Они не критиканы, но проблематизаторы; не аутсайдеры, а экспериментаторы. Чаще всего, они не теоретики и мыслители, но социальные активисты. Они действуют часто там, где для профессии еще нет места, где она не способна развернуться в силу громоздкости и косности. Это «профессионалы без границ» – такие, как известно, есть не только в архитектуре. С антипрофессионализмом неразрывно связаны партиципативное проектирование и констатация, обращение к нуждам маргинализированных групп и веер иных альтернатив, на которые была столь богата вторая половина XX столетия. Антипрофессионалы создают новые средства, принципы и модели деятельности, очень часто и скоро становящиеся достижением профессии в целом. Например, едва ли не весь итальянский «Новый дизайн» вырос из контркультуры и сопротивления засилью профессиональных модернистских маршанов. Сегодня и эта позиция присутствует в деятельности и образовании, но она стремительно сокращается количественно и ее концептуальный напор слабеет – тает, как альпийские ледники. Вино тому не столько отсутствие новых идей, сколько стремительное расширение легитимного поля профессиональной активности за последние 20–30 лет, ее известная всеядность – противопоставить ей что-то такое, чтоб не переварила, становится все труднее. Подобные затруднения испытывает и современное искусство, где процесс расширения легитимного поля просто взрывоподобен,

а новый истеблишмент, получающий профессиональное или квазипрофессиональное признание, формируется очень быстро.

Транспрофессионалы (лат. *trans* – сквозь, через) – самая пестрая и диффузная группа. К ней мы относим носителей различных видов знания и опыта, неспецифичных для архитектуры или расположенных на периферии ее центрального корпуса знаний, методов, представлений. Однако то, что несут и стремятся развернуть в контуре профессиональной архитектурной деятельности транспрофессионалы может оказаться плодотворным и полезным для эволюции деятельности (но также может оказаться и бесплодной прививкой или вредным вирусом). Транспрофессионалы – агенты влияния других профессий, мировоззрений, видов проектных, научных или художественных традиций. Именно через них в первую очередь проходит импульс влияния на архитектуру различных наук (в XX веке это биология, кибернетика, математическая формализация, системотехника, семиотика, социология, теория деятельности, et cetera). Они могут успешно совмещать архитектурный профессионализм с теми или иными «сторонними» концепциями, усвоенными ими в силу самых различных обстоятельств. Как и антипрофессионалы, транспрофессионалы – экспериментаторы и развиватели – склонны к постановке неожиданных проблем и их неортодоксальным решениям, но, в отличие от первых, их мышление аспектно, узко и предметно, они, как и квазипрофессионалы, едва ли не фанатично держатся своих убеждений. Недооценивать эту «пятую колонну» нельзя, как нельзя и отрицать потенциальный ресурс ее присутствия. Архитектурная профессия вот уже столетие, если не больше, пронизана разноприродными влияниями и силами, что придает ей динамику и необходимую для эволюции избыточность, но уже требует постановки проблемы аутентичности (или, используя выражение А. Г. Рапппорта, автономии) архитектуры как суверенной интеллектуальной практики [2, 3]. Здесь надо напомнить, что сами профессионализм и профессия в своем становлении были отнюдь не безгрешны в плане сохранения и развития автономии архитектуры, в них немало наносного, исторически случайного, конъюнктурного. Но не может ли сам транспрофессионализм как позиция или стратегия, достаточно независимая от стереотипов профессии, способствовать прояснению автономии, возрождению суверенитета? Ведь в рассматриваемом типе принципиально возможна трансляция неких аутентичных преданий и мифов (например, предания о «Дионисийских зодчих» и других эзотерических *agraphadogmata* – неписаных знаний зодческой традиции), вытесненных новоевропейским рационализмом с «дневного» поля профессиональной практики и мышления. В любом случае влияние транспрофессионалов на архитектурное образование может быть креативным и расширяющим границы, но может и приводить к опасным перекосам.

Метапрофессионалы (греч. *meta* – над, после) – самая редкая и малочисленная группа. Их почти невозможно заметить, они становятся видны лишь тогда, когда сам наблюдающий выходит в метапозицию – поднимается над горизонтом функционирования и над горизонтом методического обеспечения функционирования. Иначе представители этого типа неразличимы с некоторыми другими из нашего списка, да они и сами себя нередко позиционируют отнюдь не в метапозиции. Но только с метапозиции открывается историческая картина существования профессии, ее зарождения, становления, торжества и упадка. Метапрофессионал принадлежит не столько профессии, сколько тому Потоку Всеобщей Деятельности, временными завихрениями которого являются те или иные исторически преходящие организованности;

он имеет дело с тканью, в которой завязываются и развязываются узелки – профессии. Он имеет методологические основания оценивать жизнеспособность «узелков» и прогнозировать их эволюцию. Он может даже проектировать новые, перспективные, или пытаться это делать. В ситуации кризиса, например, суб- и квазипрофессионалы (из ответственных) сразу же начинают говорить о нормировании и новых законах; анти- и транспрофессионалы указывают на альтернативные техники и технологии; «истинный профессионал» продолжает заниматься своим делом (но, быть может, с большей долей критичности и рефлексии, чем обычно), а метапрофессионал начинает... проектировать! Проектировать новые деятельностные формы, новое содержание деятельности и образования, новые конструкции значений; ценностные, концептуальные конструкции, категории и понятия, средовые образы и метафоры, наконец: ведь выход из кризиса возможен путем радикального пересмотра всего этого набора, а не за счет введения новых ограничений и табу или внедрения новых (например – импортных) технологических линий. Именно так «...в холодном мире методологических абстракций» [4] был спроектирован в свое время средовой подход. Масштаб не обязательно должен быть глобальным: точное построение фразы о насущных проблемах профессии уже есть вклад в продвижение вперед, в отличие от шумных лозунгов и оргмероприятий.

Разумеется, предложенные здесь типы – идеализация, как и любая другая типология. В жизни все сложнее, границы размыты, люди способны меняться и осваивать новые позиции. К тому же большую роль играет и совмещение позиций. Так, подлинные профессионалы понимают смысл и ценность антипрофессионализма, интересуются трансценденциями и способны выйти (и выходят) в метапозицию. Но смысл предложенной типологии – в понимании того факта, что мы имеем дело вовсе не с однородным и инертным телом, когда произносим словосочетание «архитектурный профессионализм» и ориентируемся на него в разработке образовательных моделей любого уровня. Расслоение произошло давно, что частично отражено в ссылках на литературу и события. Перед нами не единая профессия, а сложное гетерогенное поле, требующее в работе с ним многослойных стратегий. Иначе происходит «естественное» и неуправляемое расслоение самих идей, что случилось со средовым подходом [5].

Расслаиваются и смыслы концепций и понятий, которые мы стремимся внедрять в образовательный процесс. Например, важнейший вопрос, совсем недавно обсуждавшийся архитектурно-педагогическим сообществом, – компетенции архитектора. В субпозиции их обсуждать бессмысленно, поэтому, наверное, они вообще там оказались не понятны и автоматически отождествлены с квалификационными характеристиками. А в квазипозиции они не опознаются и легко редуцируются, поскольку нужны там лишь в привычном урезанном объеме. Точно также обстоит дело с такими образовательными услугами, как повышение квалификации: массы приходящих туда квазипрофессионалов меньше всего заинтересованы в смене своей профессиональной позиции, своего типа, не стремятся стать «истинными профессионалами» (в том сугубо условном и контекстуальном смысле, который мы придали этому слову в настоящей статье, разумеется) и того меньше – кем-то еще. Они предпочли бы остаться собой, но освоить что-то новое («то же самое, только чуть больше» – формула, диаметрально противоположная категории развития), а это – уже вчера морально и интеллектуально устаревшая позиция. Идеология образовательных услуг ничего этой потребительской, «супермаркетной» установке противопоставить, разумеется, не может. Значит, требуется изменение самой концепции

повышения квалификации (которую, кроме прочего, надо переименовать в «развитие компетенций» с соответствующими задачами и тренингами [6]). Возможны и другие выводы и следствия из предложенной картины стратификации профессии, что, мы надеемся, делает ее небесполезной для осмысления ситуации в сегодняшней архитектурной деятельности и архитектурном образовании.

Литература

1. Буряк А. П., Яровой А. В., Горожанкин В. К. Архитектурный вуз и производственная сфера // Вопросы методологии. – 1994. – № 1–2. – С. 75.
2. Рappapорт А. Г. Об интеллектуальном суверенитете архитектуры // Архитектура и культура : материалы Всесоюзной науч. конфер. ВНИИТАГ. – М. : ВНИИТАГ, 1990. – Т. 1. – С. 43–48.
3. Рappapорт А. Г. Автономия архитектуры. – [http:// papardes.blogspot.com./2010/1](http://papardes.blogspot.com./2010/1)
4. Глазычев В. Л. Непростое будущее архитектуры // Архитектура СССР. – 1988. – № 1. – С. 19.
5. Капустин П. В. «Средовой подход» и перестройка профессии // Городская среда : Материалы Всесоюз. науч. конференции ВНИИТАГ и СА СССР «Современные проблемы формирования городской среды», г. Суздаль. – М. : ВНИИТАГ, 1989. – Т. 2. – С. 17–25.
6. Капустин П. В. Компетенции архитектора (о новой парадигме проектного образования) // *Almamater. Vestn. vysshei shkoly.* – 2005. – № 6. – С. 13–16.

References

- Buryak, A. P., Yarovoi, A. V., & Gorozhankin, V. K. (1994). *Arkhitekturnyi vuz i proizvodstvennaya sfera* [Architectural university and industrial field]. *Voprosy metodologii*, 1 – 2, 75.
- Glazychev, V. L. (1988). *Neprostoie budushchee arkhitektury* [Challenging future of architecture]. *Arkhitektura SSSR*, 1, 19.
- Kapustin, P. V. (1989). “Sredovyi pokhod” i perestroika professii [“Environmental approach” and rebuilding of the profession]. *Gorodskaya sreda. Proceedings from VNIITAG and UA of the USSR All-Union conference “Sovremennye problem formirovaniya gorodskoi sredy” in 2 vols. (Vol. 2, pp. 17-25).* Suzdal.
- Kapustin, P. V. (2005). *Kompetentsii arkhitekatora (o novoi paradigme proektnogo obrazovaniya)*. *Alma mater. Vestnik vysshei shkoly*, 6, 13-16.
- Rappaport, A. G. (1990). *Ob intellektualnom suverenitete arkhitektury* [On intellectual sovereignty of architecture]. *Arkhitektura i kultura. Proceedings from VNIITAG All-Union Conference in 2 vols. (Vol. 1, pp. 43-48).* Moscow: VNIITAG.
- Rappaport, A. G. (n. d.). *Avtonomia arkhitektury* [Autonomy of architecture]. Retrieved from papardes.blogspot.com./2010/1